

НА ПОЛЯХ ПОЗНАНИЯ

ПУСТОЕ : К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СИМУЛЯЦИИ (крайне субъективные заметки)

© Г. В. Мелихов

Мелихов
Герман Владимирович
кандидат
философских наук
доцент кафедры общей
философии философского
факультета
Казанский государственный
университет

Настоящая статья представляет собой опыт осмысления интеллектуальной симуляции, опираясь на франкоязычную традицию исследования мифологического мышления и способов его воспроизводства в нашей жизни, и, в частности, на работы Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса и Р. Барта.

Ключевые слова: феноменология, мифологическое мышление, интеллектуальная симуляция, эго-коннотативная речь, рефлексия.

При общении с Зафодом Триллиан труднее всего давалось умение различать, когда он прикидывается глупым, чтобы сбить с толку собеседника; когда он прикидывается глупым, потому что не хочет думать и предпочитает, чтобы это сделал за него кто-нибудь другой; когда он прикидывается феноменально глупым, чтобы скрыть, что чего-то не понимает, и когда он просто проявляет глупость.

Дуглас Адамс

Прежде всего я бы хотел обозначить свою позицию. Дело в том, что занятия каким-либо научным предметом предполагают известную долю серьезности – полное погружение в исследуемую область, кропотливое изучение источников, владение соответствующим эмпирическим материалом и т. д. Всем этим я, увы, не обладаю, скажу больше – не хочу обладать. Я принципиально занимаю позицию теоретически несерьезного человека. Позвольте мне пояснить, что я имею в виду, и при-

вести пример одного человеческого типа, всем известного и мне лично глубоко симпатичного, – ученика. Самое интересное в позиции ученика – это независимость от какого-либо предметного содержания. Ученик – это тот, кто любое знание рассматривает как внешнее себе. Он может на время входить в предмет, углубленно заниматься его изучением, но проходит время, звенит звонок, заканчивается «пара» – приходится идти на другое занятие. Поэтому с учеником серьезно разговаривать никто не хочет – рано, да и незачем ему это. И совершенно правильно, потому что главное для хорошего ученика – это процесс обучения и удовольствие от работы с разного рода знаниями, которые для него если и не равны ценностно – мало ли кому что нравится, то, по крайней мере, эпистемически равнозначны. Мне могут возразить: ученик – это всегда ученик наставника, он изучает непременно что-то конкретное. Но это в нашей характеристике ученика ничего не меняет, кроме одного – ученик, к сожалению, стремится к умалению собственной позиции, он хочет быть наставником. И через какое-то время это действительно случается: некогда ученик позволяет предметному содержанию овладеть собой, умирает в нем и превращается в очень серьезного человека, «специалиста».

Внешней манифестацией позиции теоретически несерьезного человека для меня выступает феноменология. Феноменолог – это несерьезный и очень веселый человек, потому что ему не за что держаться: он является всего лишь наблюдателем. Причем, феноменолога интересуют не внешние объекты, а мысли, которые, впрочем, он рассматривает как внешние себе, то есть совершенно несерьезно. Пришла одна мысль, понаблюдал ее и отпустил с Богом. Разумеется, есть много самых разных феноменологий, поэтому сразу оговорюсь: несерьезного человека может интересовать только несерьезная феноменология, то есть феноменология не гегельянская, а гуссерлианская, рассматривающая отношения между мыслями, редукцию одной мысли к другой вне зависимости от исследования вопроса о действительности мысли, то есть вопроса о том, где и как эта мысль воплощается¹.

Итак, передо мною стоит задача свести одну идею – мышления к другой идее – мифа, но прежде я бы хотел ответить на вопрос, который, наверняка, может вызвать недоумение: а причем здесь миф? Начнем с констатации чисто внешней и легкомысленной: не знаю, как воспринимают все происходящее на тех же телевизионных экранах другие люди, но, с моей точки зрения, нет ничего в нашей сегодняшней жизни более интеллектуально убогого и неинтересного, чем так называемая публичная политика. Создается впечатление, что все высказывания, относящиеся к этой области, ничего общего с реальностью не имеют, являя собой чисто риторические, идеологические (кого-то куда-то мобилизующие) конструкции. Понимать что-либо здесь невозможно, да и не нужно, потому что к мыш-

¹ Если феноменолога и интересует *воплощенная* мысль, то в качестве материала для рефлексивного развоплощения, то есть обратного сведения его к чужой или своей мысли. Именно этим я и буду заниматься далее.

лению все это не имеет никакого отношения. Все происходящее носит характер особой игры, которую блистательно несерьезный В. Набоков назвал когда-то «игрой в нетки» («Приглашение на казнь»). Собираются взрослые дяденьки и тетеньки и раскладывают между собой множество нелепых, бесформенных, рябых, аляповатых и дырчатых предметов, никак не связанных друг с другом. А к предметам этим прилагается зеркало такое же несуразное – искаженное, шерботое, кривое, увидеть в нем что-либо невозможно. Но вот чудо: если приложить одно к другому, то есть нелепое зеркало к нелепым предметам, то можно увидеть в зеркале стройный образ – цветы, корабль, пейзаж какой-нибудь, а то и, если повезет, конечно, образ человеческий². Что уж там говорить, есть все же в жизни нашей место для «мыслей» высокопарных и глубокомысленных, но в действительности – кривых и шерботых. В общем, несуразных. Понять их нельзя, зато они прекрасно характеризуют людей, их употребляющих (не важно, чем эти люди занимаются и где они живут, в свободной Америке или в авторитарной России). Вот и меня в настоящий момент интересует сознание людей, беспрестанно играющих в нетки, то есть людей, думающих, что они думают, а на самом деле все время произносящих высокие, звонкие, но, к сожалению, пустые и бессмысленные слова. Я понимаю, что бороться с этим явлением в других едва ли возможно, но осознавать его в себе, полагаю, не вредно. Собственного врага надо знать в лицо.

Поскольку феноменологическая позиция предполагает работу с любыми объектами как мыслями, соответственно, миф в этой позиции будет представлен как мысль. При этом необходимо различать мысль о мифе – сюда можно отнести различные теории мифа, и собственно миф как мысль, то есть меня, во-первых, будут интересовать особенности мифологического мышления, и, во-вторых, для меня также важно, чтобы это мифологическое мышление обладало свойствами нетки – нелепо-аляповатой, пустой мысли. Вроде бы некто мысль изрекает – серьезный человек говорит, внушительно так, убежденно, со знанием дела растолковывает очередное «решение», а на самом деле – все слова, одни слова и ничего больше.

Существуют разные традиции осмысления мифологического мышления, но все их объединяет то, что данный вид мышления всегда представляет собой некий специфический способ содержательного, по-своему осмысленного отношения к реальности. Возможность задуматься и сказать на своем языке то, что есть «на самом деле» (не важно, идет ли речь о жизни богов или простых смертных). Я же буду использовать термин «мифологическое мышление» в несколько ином контексте, обозначая с его помощью буквально мифическое, то есть несуществующее мышление. Так словом «миф» нередко именуют рассказ о том, чего нет, о том, что было когда-то (мы теперь это точно знаем) придумано – о жизни малопонятных для нас сегодня древних богов. Для того, чтобы избежать затруднений, связанных

с многозначностью словосочетания «мифическое мышление», я введу более подходящий для меня в данном случае термин «интеллектуальная симуляция», который и буду применять далее для описания разнообразных нелепо-аляповатых ситуаций, связанных с подменной мысли словами. Например, когда кто-то пытается, прибегаая к интеллектуальному инструментарию (то есть философским, политическим, экономическим, психологическим и т. д. терминам и «техникам мысли»), абсолютно серьезно выдать за мысль хорошо поставленную речь. Не сознательно, конечно. Просто так почему-то получается. Хотелось одного, а получилось как всегда. Впрочем, и случаи сознательного симулирования подпадают под наше описание, но уж это совсем изощренные ситуации – можно представить себе человека, который намеренно свое «зеркало сознания» коверкает, изгибает и кривит. Тяжелая такая, я бы даже сказал, мазохистски изнурительная, рефлексивно-деструктивная работа. Должен признаться, и такое встречается, и даже довольно часто, но подобного рода интеллектуальные патологии требуют специального разбора, которыми я вряд ли когда-нибудь займусь. А пока будем исходить из допущения, что «зеркала» в большинстве своем искажены все же не намеренно.

Но какой бы ни была интеллектуальная симуляция, намеренной или нет, в любом случае она обладает одним существенным свойством: симуляция всегда непредметна, посредством нее ничего не мыслится, она развивается исключительно на уровне слов. И вот у этой, претендующей на мысль, речи есть другая крайне интересная особенность: она эго-коннотативна (да простят меня за подобный неологизм), то есть среди прочего исподволь, но настойчиво говорит о нас, субъектах речевой деятельности, наших сокровенных устремлениях и «болячках». Замечательным примером эго-коннотативной речи является речь чиновников, людей в высшей степени серьезных. Передо мной лежит журнал, в котором опубликованы два интервью: одно – с вице-премьером Игорем Шуваловым, другое – с кинорежиссером Отаром Иоселиани. Интересно сравнивать модальности ответов людей, как будто принадлежащих двум разным мирам. И. Шувалов отвечает на вопросы как человек, наделенный ответственностью, он – лицо государственное. О. Иоселиани – как лицо частное и в некотором смысле безответственное. Может быть, поэтому кинорежиссер в самом начале своего интервью прямо говорит о том, что он страдает от тех же слабостей и пороков, что и остальные, и что он вовсе не тот прозорливый человек, как о нем думают другие люди на основании его фильмов³. Эта та «капля» реальности, которая делает его суждения осмысленными и позволяет читателям с заслуженным вниманием относиться к тому, что говорит далее О. Иоселиани. Именно на этом основании с ним можно вести диалог, с чем-то не соглашаться. О. Иоселиани занимает позицию веселого человека, немного «со стороны» смотрящего на себя самого, поэтому в его речи, даже тогда, когда он говорит о себе, не просматриваются эго-коннотации.

² Набоков, В. Приглашение на казнь // Собр. соч. в 4 т. / В. Набоков. Т. 4. М.: Правда, 1990. С. 77–78.

³ Ванденко, А. Путешествие дилетанта. Интервью с О. Иоселиани // Итоги. Еженедельный журнал. 2008. 9 июня. С. 71.

Иное дело – чиновник. Если он и выступает публично, то не от своего имени; он представляет «вышестоящую» точку зрения. Политический (на данный момент) курс. В конце концов, в своей речи можно выступать от имени чего угодно, важно, однако, чтобы речь наша содержала хотя бы мельчайшие «капельки» реальности, касалась реальных, а не дырчатых, нелепых и бесформенных, то есть несуществующих, предметов. Пусть и с точки зрения какого-либо «курса». Высказывая свои суждения, чиновник, напротив, отвечает на вопросы так, как будто никаких проблем нет, а если они были, то давно ушли в прошлое благодаря своевременным и правильным действиям ответственных за принятие решений лиц. Речь И. Шувалова выдержана в оптимистическом тоне и переполнена фразами, характеризующими устойчивое и поступательное движение вперед, хотя и не без некоторых трудностей, которые, впрочем, легко разрешимы: «...участники отметили важную роль России», «мы имеем четкие... программы», «мы понимаем... сколько и в каком объеме...», «мне показалось, что реакция была положительной...», «...все меры.. будут соблюдены», «потенциал России огромен, и мы должны его реализовать», «у нас элементарная стратегия...», «мы имеем весь комплекс... и намерены его развивать...», «так что все просто», «Россия тоже стала сильной. Ее также (как США. – Г. М.) не любят или завидуют»⁴. Я вырвал из контекста данные фразы для того, чтобы показать типично возвышенную модальность речи: реальные проблемы, предметные смыслы рассеиваются в идеологической коннотации – в утверждении властвующей власти, сильной, разумной, самодостаточной и по-отечески заботливой⁵. Трудно разговаривать с человеком, у которого на все вопросы уже давно есть один правильный ответ. Все уже решено, почему только никто ничего не понимает? Странно это... Не иначе одни враги кругом и завистники. Интеллектуальная симуляция основана на нехитром подлоге: вместо предметных смыслов, имеющих отношение к реальным проблемам, нам всегда будут предлагать к обсуждению смыслы сопутствующие, побочные, несущественные, а в нашем случае – выражающие чаяния и страхи тех же «власть предержащих». Речь чиновника, ну очень невеселого человека, переполнена эго-коннотациями, которые лишают смысла любое предметное содержание, делают его нелепым и неуместным. Это все равно что преподаватель, который на вопрос, как решить эту задачу, поведает студенту о последних постановлениях Ученого совета и о грядущей проверке посещаемости, призванной выяснить насколько исправно профессора и доценты посещают свои собственные лекции. Симулятивный такой получается мирок, дырчатый. Вместо реальных проблем и попытки их решить – одни дырки.

⁴ Чудодеев, А. Закон сохранения энергии. Интервью с И. Шуваловым // Итоги. Еженедельный журнал. 2008. 9 июня. С. 28–30.

⁵ Я допускаю, что на вопросы корреспондента отвечал спичрайтер, ну, что ж, значит, такой был спичрайтер... Или они все друг на друга похожи, эти спичрайтеры? А может быть – совсем крамольная мысль – там имеется всего один спичрайтер, который на всех и пишет тексты?

И все же: каков психологический механизм подлога? Как мы сами приводим к нелепости наши собственные мысли, подменяя их эго-коннотациями? Очевидно, симуляцией занимаются не только чиновники. В той или иной степени это свойственно каждому из нас, более или менее заслуженному работнику интеллектуального труда. В поисках ответа на эти вопросы я буду опираться на франкоязычную исследовательскую традицию и, в частности, на работы Люсьена Леви-Брюля и Клода Леви-Строса, которые расскажут нам о психологических механизмах формирования эго-коннотаций, а также на работы Ролана Барта, раскрывающие некоторые особенности речи, в которой эго-коннотации особенно ярко себя проявляют⁶. При этом я буду исходить из левистросовского предположения, что в мышлении обнаруживают себя некие паттерны, устойчивые структурные образования, которые отличают всех людей вне зависимости от того, когда и где они жили. Симулировать мышление можно всегда, везде и вне зависимости от половых, возрастных и имущественных различий.

Как бы это банально не звучало, но приходится признать: все дело заключено в Эго, и только в нем. Л. Леви-Брюль интересен для нас тем, что изобличает один из «механизмов» спонтанного вознесения нашей самости на пьедестал. Гипотеза его такова: множество самых разных, лишенных причинно-следственных связей мыслей оказываются вдруг сопричастными и даже родственными друг другу в «зеркале» аффекта, яркого эмоционального отношения человека к чему-либо. Фактически речь идет о существовании некой господствующей на данный момент, доминантной идее, касающейся нас самих, которая принимается человеком не рационально; он привязывается к ней эмоционально, аффективно и в ее свете воспринимает все происходящее. Иногда, например, все мы бываем чуть-чуть одержимыми какой-нибудь маниакальной идеей – профанным аналогом левибрюлевской «аффективной категории сверхъестественного». Тогда нам может показаться, что мы – как раз те люди, без которых никак обойтись нельзя, настоящие профессионалы, знатоки своего дела, первейший долг которых максимально насытить информацией студентов. Вот мы и отправляемся в аудиторию мучить своих слушателей, заглушая сознанием своей высокой миссии две не связанные, но смутно беспокоящие нас мысли. С одной стороны, нам хочется думать, что мы обладаем неким только нам данным Знанием, которое обязаны полностью, не расплескав, донести до студентов. С другой стороны, мы понимаем, что все же не так совершенны, как хотелось бы.. Но от своей миссии категорически отказываться не желаем. Тогда-то мы и начинаем симулировать интеллектуальную активность, выдавая за существо дела безмерную любовь к себе.

Бывает, однако, и так, что дело обстоит прямо противоположным образом: мы вдруг начинаем мнить себя «никчемными преподавателями»,

⁶ Общеизвестно, что Л. Леви-Брюль и К. Леви-Строс много времени и сил потратили на исследование особенностей мифологического мышления, а Р. Барт интересовался дискурсивными механизмами производства современных мифов.

полными ничтожествами, не способными связать пару-тройку простейших мыслей, донести до своих слушателей самые элементарные вещи. Что ж, и в этом случае нам не избежать симуляции. Только теперь за существенное мы будем выдавать свой собственный страх или уязвленное самолюбие... Прощай, легкомысленная веселость, пора становится серьезными!

Итак, нам есть чем себя «порадовать»: эго-коннотативная речь выдаст немного одержимого собой человека.

Но, оказывается, и здесь не все так просто: мало того, что мы, симулируя, бываем патологически одержимы, мы еще и затаенно – как бы это мягко сказать? – насторожены. И Клод Леви-Строс объяснил нам почему. Суть его идеи состоит в следующем: мы не осознаем оснований своих мыслей и действий, которые осуществляются на глубинном бессознательном уровне. Мифологическое мышление, являющееся прямой манифестацией бессознательного, упрощает мир и всю его сложность сводит к простым и внятным универсальным оппозициям, например, сильный/слабый, люблю/ненавижу, друг/враг и т. д. Иными словами, К. Леви-Строс показывает, что одержимый собой человек немножечко опасен для окружающих. Не так чтобы уж очень, просто он мыслит деструктивно: если не сильный, то сразу слабый; если не шибко умный, то непременно глупый; если тебя не любят, то обязательно ненавидят; если с тобой не дружат, значит, кругом окопались враги. Почему? Неужели все так плохо и нужно срочно выстраивать оборону и набирать «свою команду»? Если мы позволяем себе рассуждать подобным образом, есть большая вероятность того, что нами овладела какая-нибудь изрядно психопатическая мания... Мы хотим быть сильными, потому что ощущаем свою слабость – что-то мы делать не можем, что-то у нас не получается. Но зачем же на людях свои страхи выдавать за проявление силы? Может быть лучше попробовать осознать свои слабости и попытаться что-то исправить на деле. Значит, проблема состоит в том, чтобы становиться не сильными, а умными. Стало быть, не все можно уложить в простые и неуклюжие дихотомии, пригодные разве что для хорошей симуляции. На том она – симуляция – и держится!

А еще эго-коннотация держится на суггестивно *сильном* и утешительно *слабком* для самолюбия слове. И здесь для того, чтобы лучше понять специфику речи, подменяющей собой мысль, имеет смысл обратиться к идеям Ролана Барта. Дело в том, что *сильно сказанное слово*, имея истоком своим нашу аффективность и незамысловатость, тяготеет к тому, чтобы выдать свое содержание за единственно возможный взгляд на мир. В речи с преобладающими эго-коннотациями исчезает все временное, случайное, переходящее. Как пишет Р. Барт, миф говорит обо всем «невинно», его задача – описывать все как «природно-вечное», не объяснять, а констатировать⁷. Так в устах известного отечественного политика суггестивно сильное утверждение: «Россия – одна из трех ветвей европейской

цивилизации» (наряду с Западной Европой и США), сделанное вне обширных (по необходимости) поясняющих разъяснений, звучит как чистая констатация, нечто само собой разумеющееся, лишь успокаивающее нашу совесть: мы – европейцы, да еще и столь же самостоятельные, равномошные своим западноевропейским и североамериканским партнерам. Вот неплохо было бы, если б мы, да одной из трех ветвей, да большого такого дерева...

Но почему так все устроено? Стоит нам обольститься какой-нибудь мечтой, как сразу же возникает желание донести свое послание до других, пребывающих в невинности граждан; хочется хорошенько выразить свою идею в словах суггестивно крепких, основательно мобилизующих и, по возможности, для самолюбия сладких. *Сильно сказанное слово* – это всегда *сладкое* для самолюбия слово, потому что теперь уже мы нуждаемся в утешении. Нам тяжело, мы вынуждены оправдываться сами перед собой: все же где-то в глубине своей мы ощущаем – что-то не так⁸. И потому невольно поднадуваемся, добавляя словам своим пушей убедительности, хотя бы для самих себя. Все временное, ситуативное, сомнительное немедленно испаряется из речи – сказал, как отрезал, раз и навсегда. Твердо и решительно. Однозначно подчеркнув *непреходящую ценность* своих собственных упований. Всем, кто когда-либо преподавал, знакомы эти симулятивно-суггестивные игры словами, разворачивающиеся на фоне прогрессирующего непонимания того, что мы произносим вслух. Вреда от такого рода эго-коннотативной вербальной активности нет. Единственное, что она может сделать, так это мобилизовать таких же идейно одержимых, как и мы сами. Непонятно только: куда и зачем. Но все равно приятно.

Подводя итоги предшествующим рассуждениям, осмелюсь предположить: интеллектуальная симуляция – это возможность всегда и везде думать и говорить только о себе, даже тогда, когда ты думаешь и говоришь о другом. Оказывается, сделать это не так уж и сложно. Можно сказать, что все получается само собой.

И уж совсем напоследок рискну сделать признание, тем более что жанр субъективных заметок допускает подобные вольности. Должен сказать, я чувствую себя неловко: уж больно сумрачную картину я нарисовал. Опять все плохо, никакого просвета, одна сплошная критика. Правда, кое-где присутствуют элементы самокритики, весьма, впрочем, двусмысленной. Понимаю, меня уже ничто оправдать не сможет. Тем не менее, прошу обратить внимание: это все же не я такой отъявленный критик, а французы – с них и спрос. И потом: на самом деле у нас все хорошо, и об этом вроде как и беспокоиться не нужно. Ну и, наконец, я твердо решил исправиться. Поэтому в свою прежнюю картину, исполненную в безнадежно-серых тонах, я бы желал добавить иных красок. И, пожалуй, – еще одну фигуру, дабы немного усложнить существующую композицию. Кто знает, может мне удастся приблизить изображение к оригиналу? Всего несколькими штрихами я набросаю портрет... Секундочку... И вот

⁷ Барт, Р. Мифологии. М. : Изд-во им. Сабашиных, 1996. С. 269–270.

⁸ Не будем отказывать себе хотя бы в мельчайшей крупице совести.

перед нами уже возникает образ чрезвычайно серьезного человека неопределенного возраста, приятной, впрочем, молодежьей наружности, с затаившейся на лице «мыслью», которая, если его разговорить, возьмет, да и обернется вдруг какой-нибудь *миссией*, большой или малой, серой или зеленой, но непременно высокой. Вроде бы все хорошо: и говорит ладно, и человек умный, даже «идейный». И все же, что-то не так. Слишком гладко? Да. Слишком просто? Пожалуй. Но куда это вдруг нас так основательно «тащит»? Уж не овладела ли и нами какая-нибудь «идея»?

Кириллов – один из примечательных героев романа Ф. Достоевского «Бесы», благородный, одержимый, убежденный в том, что человек не будет свободен до тех пор, пока он не преодолеет страх смерти и страх перед миром горним. В приступе острого сознания своей высокой миссии он совершает самоубийство, наивно рассудив, что это может служить единственным доказательством преодоления страха. Стоит человеку научиться быть способным на самоубийство, он станет богоравным. Кириллов – нигилист, это всем хорошо известно. Интересно заметить также, что нигилистический образ мысли – это всегда симуляция. Кириллов симулирует веру в Бога. Страстно ища Его, он почему-то сводит разговор о Боге на человеческий (читай: свой собственный) «страх божий» и всю недюжинную силу своей веры вкладывает в аляповатую «мечтательную» идею. Кириллов симулирует «высокие рассуждения», нелепо смешивая вопрос о преодолении страха с физическим действием. Неужели неопровержимым свидетельством нашей честности *единственно* является эмпирический поступок, одно лишь то, что позавчера, будучи в гостях, я не позволил себе тайком таскать галушки с праздничного стола? А может быть, беда Кириллова состояла в том, что он занимался не своим делом? Плоско мыслил разночинец. Ему явно не хватало веселости, той веселости, о которой говорил в минуты просветления Ницше, неблагоразумной и дурашливой, позволяющей отстраниться от своих собственных маний и отправиться в новое плавание – прочь все старые идеи, мы здоровы, потому что только теперь видим, насколько прежде были глупы!

Своими заметками – весьма, впрочем, поверхностными – я только хотел сказать, что труднее всего дается умение различать несметное множество ликов нашей собственной глупости, а еще более мне хотелось напомнить о значимости позиции несерьезного человека, стремящегося время от времени рассматривать все свои идеи, глупые или умные, как внешние себе⁹.

⁹ Это последнее утверждение не означает нигилизм или интеллектуальную безответственность, как мог бы подумать иной серьезный человек. Напротив, здоровая веселость – это как раз то, что помогает нам излечиться от нигилистического образа мысли, замыкающего человека на самого себя, равно как является необходимым условием любой осмысленной позиции, позволяющим *ответственно* ее – позицию – осознать.